

Фантакрим

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ

micro

Агата КРИСТИ
Роберт ШЕКЛИ

СВИДЕТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ
ЛАБИРИНТ РЕДФЕРНА

ББК 84.4
К82

*Издание подготовлено при участии
литературно-издательского агентства «Эхо».*

Кристи А.

Свидетель обвинения: Детективный рассказ.

Шекли Р.

Лабиринт Редферна: Фантастический рассказ.
«Фантаkrim-микро». — Москва: Прометей, 1989. —
32 с.

В своем рассказе «Свидетель обвинения» известная английская писательница А. Кристи — мастер детективного жанра — предлагает вниманию читателя своеобразный поединок: изобретательный ум влюбленной женщины против логики и интуиции многоопытного адвоката. Рассказ американского фантаста Р. Шекли написан в любопытном жанре фантастико-философского детектива.

К $\frac{4703010100-261}{183(2)-89}$ без объявл.

© Издательство «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина, 1989.

Агата Кристи

СВИДЕТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ

Невысокого роста, худощавый, элегантно, почти щегольски одетый — так выглядел мистер Мейхерн, поверенный по судебным делам. Он пользовался репутацией превосходного адвоката. Взгляд серых пронизательных глаз, видевших, казалось, все и вся, ясно давал собеседнику понять, что тот имеет дело с весьма неглупым человеком. С клиентами адвокат разговаривал несколько сухо, однако в тоне его никогда не было недоброжелательности.

Нынешний подопечный Мейхерна обвинялся в преднамеренном убийстве.

— Моя обязанность еще раз напомнить вам, что положение ваше крайне серьезное и помочь себе вы можете лишь в том случае, если будете предельно откровенны.

Леонард Воул, молодой человек лет тридцати трех, к которому были обращены эти слова, сидел безучастный ко всему происходящему, уставившись невидящими глазами прямо перед собой, и прошло некоторое время, прежде чем он медленно перевел взгляд на мистера Мейхера.

— Я знаю,— заговорил он глухим прерывающимся голосом.— Вы уже предупреждали меня. Но... никак не могу поверить, что обвиняюсь в убийстве. К тому же таком жестоком и подлом.

Мистер Мейхери привык верить фактам, ему чужды были эмоции. Он снял пенсне, не спеша протер сначала одно, потом другое стеклышко.

— Ну что ж, мистер Воул, нам придется потрудиться, чтобы выпутать вас из этой истории. Думаю, все обойдется. Но я должен знать, насколько сильны улики против вас и какой способ защиты будет самым надежным.

Дело никак нельзя было назвать запутанным, и вина подозреваемого казалась настолько очевидной, что ни у кого не должна была бы вызвать сомнений. Ни у кого. Но как раз сейчас появилось сомнение у самого мистера Мейхера.

— Вы думаете, что я виновен, — продолжал Леонард Воул. — Но, клянусь Богом, это не так. Конечно, все против меня. Я словно сетью опутан, как ни повернись — не выбраться. Только я не убивал! Слышите — не убивал!

Вряд ли кто-нибудь в подобной ситуации не стал бы отрицать свою вину. Кому-кому, а мистеру Мейхеру это было хорошо известно. Но, боясь признаться самому себе, он уже не был уверен. В конце концов могло оказаться, что Воул действительно не убивал.

— Да, мистер Воул, против вас все улики. Тем не менее я вам верю. Но вернемся к фактам. Расскажите, как вы познакомились с мисс Эмили Френч.

— Это было на Оксфорд-стрит. Какая-то старая дама переходила улицу. Она несла множество свертков и как раз на середине дороги уронила их. Стала было собирать, едва не угодила под автобус и кое-как добралась до тротуара. Я подобрал свертки, как мог очистил от грязи. На одном из пакетов завязал лопнувшую тесьму и вернул растерявшейся женщине ее добро.

— Не было ли речи о том, что вы спасли ей жизнь?

— Конечно же нет, что вы! Обычное дело. Услуга из вежливости, не больше. Правда, она очень тепло поблагодарила, даже, кажется, похвально отозвалась о моих манерах, которые якобы такая редкость у современной молодежи. Что-то в этом роде, не помню точно. Потом я отправился своей дорогой. Мне и в голову не приходило, что мы с нею когда-нибудь увидимся. Но жизнь преподносит нам столько сюрпризов... В тот же день я встретил ее на ужине у одного моего приятеля. Она сразу вспомнила меня и попросила, чтобы я был ей представлен. Тогда-то я и узнал, что зовут ее Эмили Френч и что живет она в Криклвуде. Мы немного поговорили. Она, думаю, была из тех, кто быстро проникается симпатией к совершенно незнакомым людям. Ну вот, а потом она сказала, что я непременно должен навестить ее. Я, разумеется, ответил, что с удовольствием зайду как-нибудь, но она заставила назначить день. Мне не очень-то этого хотелось, но отказаться было неудобно, да и невежливо. Мы договорились на субботу, и вскоре она ушла. Приятели рассказывали о ней как о богатой и чрезвычайно эксцентричной особе. От них же я узнал, что живет она в большом доме, что у нее одна служанка и целых восемь кошек.

— А что, — спросил мистер Мейхерн, — о том, что она хорошо обеспечена, вам действительно стало известно лишь после ее ухода?

— Если вы думаете, что я специально выспрашивал... — горячо начал оправдываться Воул, но мистер Мейхерн не дал ему договорить:

— Я ничего не думаю. Я лишь пытаюсь представить, какие вопросы могут возникнуть у обвинения. Мисс Френч

жила скромно, если не сказать — скудно, и сторонний наблюдатель никогда бы не предположил в ней состоятельную даму. А вы не помните, кто именно сказал вам, что у нее есть деньги?

— Мой приятель, Джордж Гарви.

— Он может это подтвердить?

— Не знаю. Прошло столько времени.

— Вот видите, мистер Воул. А ведь первой задачей обвинения будет доказать, что вы испытывали денежные затруднения, узнали о богатстве этой дамы и стали добиваться знакомства с нею.

— Но это не так!

— Очень многое зависит от памяти вашего приятеля. Помнит ли он о разговоре?

Леонард Воул некоторое время молчал, потом, покачивая головой, сказал тихо, но твердо:

— Не думаю, мистер Мейхерн. К тому же нас слышали несколько человек, и кто-то еще пошутил, что я пытаюсь завоевать сердце богатой старушки.

— Жаль, очень жаль. — Адвокат не скрывал своего разочарования. — Но мне нравится ваша откровенность, мистер Воул. Итак, вы познакомились с мисс Френч. Знакомство не ограничилось одним визитом. Вы продолжали бывать в Крикльуде. Каковы причины? Почему вдруг вы, молодой симпатичный человек, заядлый спортсмен, имея столько друзей, уделяли так много внимания старой даме, с которой у вас вряд ли могло быть что-то общее?

Леонард Воул долго не мог найти нужных слов.

— А я, честно говоря, и сам толком не знаю. Когда я пришел туда в первый раз, она жаловалась на одиноче-

ство, просила не забывать ее и так явно выражала свою приязнь ко мне, что я, хотя и чувствовал себя неловко, вынужден был пообещать, что приду еще. Да и приятно было сознавать, что я кому-то нужен, что обо мне заботятся и относятся, как к сыну.

Мистер Мейхерн в который раз принялся протирать стекла пенсне, что служило признаком глубокого раздумья.

— Я принимаю ваше объяснение, — проговорил он наконец. — Думаю, психологически это обоснованно. Впрочем, у обвинения может быть иное мнение. Пожалуйста, продолжайте. Когда впервые мисс Френч попросила вас помочь ей вести дела?

— Конечно, не в первый мой приход. При этом она сказала, что мало смыслит в составлении бумаг, беспокоилась о некоторых своих капиталовложениях.

Мистер Мейхерн бросил на Воула быстрый, цепкий взгляд.

— Служанка мисс Френч, Джанет Маккензи, утверждает, что хозяйка ее была женщиной очень разумной, прекрасно знала, как ведутся дела, и сама справлялась с ними. То же говорят и ее банкиры.

— Мне она говорила совсем другое.

Мистер Мейхерн снова взглянул на Воула. Сейчас он больше, чем прежде, верил ему. Он ясно представлял себе эту мисс Френч, чье сердце покорил интересный молодой человек; догадывался, каких усилий стоило ей найти причину, которая заставила бы его бывать в ее доме. Очень возможно, что она разыгрывала полнейшую неосведомленность в денежных делах, просила его помочь — чем не повод? И она наверняка отдавала себе отчет в том, что подчеркивая таким образом его незаменимость, лишний

раз — а для мужчины совсем не лишней — польстит ему. Она была еще достаточно женщиной, чтобы сообразить это. Вероятно, ей также хотелось, чтобы Леонард понял, как она богата. Ведь Эмили Френч, будучи особой с решительным характером и деловым подходом к любым вопросам, всегда платила за все настоящую цену.

Вот о чем успел подумать мистер Мейхерн, глядя на Воула, но ничто не отразилось на его бесстрастном лице.

— Значит, вы вели дела мисс Френч по ее личной просьбе?

— Да.

— Мистер Воул, — адвокат заговорил, голосом выделяя каждое свое слово, — теперь я задам очень серьезный вопрос, и мне необходимо получить абсолютно правдивый ответ. В финансовом отношении ваши дела обстояли неважно: вы, как говорится, были на мели. В то же время именно вы распорядились всеми бумагами старой дамы, которая, по ее собственным словам, ничего в делах не смыслила. Хотя раз, каким угодно образом, вы использовали в корыстных целях ценные бумаги, находившиеся в ваших руках? Подумайте, прежде чем дадите ответ.

Но Леонард Воул не захотел думать ни минуты:

— Меня не в чем упрекнуть. Все было честно; более того, я всегда старался действовать в интересах мисс Френч.

— Я вижу, вы слишком умны, чтобы лгать в столь серьезном деле.

— Ну разумеется! — воскликнул Воул. — У меня не было причин убивать ее! Даже если допустить, что я намеренно не прерывал знакомства, рассчитывая получить деньги, то смерть ее значила бы крушение всех моих надежд.

Адвокат вновь принялся протирать пенсне.

— Разве вам неизвестно, мистер Воул, что в оставленном завещании мисс Френч назначает вас единственным своим наследником?

— Что?!

Воул вскочил со стула и уставился на мистера Мейхерна в неспритворном изумлении.

Мистер Мейхерн не счел нужным повторять свои слова и лишь кивнул в ответ.

— Вы хотите сказать, что ничего не знали о завещании?

— Говорю вам — нет. Это совершенная неожиданность для меня.

— А если я сообщу вам, что служанка мисс Френч утверждает обратное? Она также заявила, что хозяйка сама намекнула ей, что советовалась с вами по поводу своего намерения.

— Джанет лжет! Она подозрительная и к тому же чертовски ревнивая старуха. При мисс Френч она была чем-то вроде домашнего тирана. Меня она не очень-то жаловала.

— Вы думаете, она способна оклеветать вас?

— Да нет, зачем ей? — Воул выглядел искренне озадаченным.

— Этого я не знаю, — сказал мистер Мейхерн. — Но уж больно она на вас зла.

— Ужасно! Будут говорить, что я добился расположения мисс Френч и вынудил ее написать завещание в мою пользу, выбрал время, когда она была одна, и... А утром ее нашли мертвой. О боже, как это ужасно!

— Вы ошибаетесь, Воул, думая, что в доме никого не было, кроме убитой, — прервал его адвокат. — Джанет, как

вы помните, ушла в тот вечер раньше обычного: у нее был выходной. Однако в половине десятого ей пришлось вернуться. Джанет вошла в дом с черного хода, поднялась наверх и услышала в гостиной голоса. Один из них принадлежал ее хозяйке, другой — какому-то мужчине.

— Но в половине десятого я... — От бывшего отчаяния Воул не осталось и следа. — В половине десятого... Так я спасен!!!

— Спасены? Что вы имеете в виду? — не понял мистер Мейхерн.

— В это время я был дома. Жена может подтвердить. Примерно без пяти девять я простился с мисс Френч, а уже двадцать минут десятого сел ужинать. Слава богу!

— Так кто же по-вашему, убил мисс Френч?

— Вор-взломщик, разумеется. Если бы не дурацкая подозрительность Джанет да не ее неприязнь ко мне, полиция не тратила бы на меня время, не шла бы по ложному следу.

— Едва ли это так, — сказал адвокат. — Подумайте сами, мистер Воул. Вы говорите, что в половине десятого были дома, а служанка ясно слышала мужской голос. Вряд ли бы стала мисс Френч разговаривать с грабителем.

— Да, но... — не найдя, что возразить, Воул растерялся. Вскоре, однако, он сумел преодолеть свою слабость. — В любом случае я здесь ни при чем. У меня алиби. Вам непременно нужно увидеться с Ромейн. Она подтвердит мои слова.

— Обязательно, — согласился мистер Мейхерн. — Я хотел сразу же встретиться с вашей женой, но она куда-то уехала из Лондона. Насколько мне известно, миссис Воул

возвращается сегодня, и я намерен отправиться к ней, как только мы закончим нашу беседу.

Воул удовлетворенно кивнул; видно было, что теперь он совершенно успокоился.

— Простите мой вопрос, мистер Воул. Вы очень любите жену?

— Конечно.

— А она вас?

— О, Ромейн очень предана мне. Ради меня она готова на все.

Чем больше воодушевлялся Воул, рассказывая о жене, тем беспокойнее становилось на душе у мистера Мейхерна. Можно ли вполне доверять показаниям бесконечно любящей женщины?..

— Кто-нибудь видел, как вы возвращались домой двадцать минут десятого? Служанка, может быть?

— У нас проходящая служанка, в семь часов она уже кончает работу.

— Не встретили ли вы кого-нибудь на улице?

— Из знакомых никого. Правда, часть пути я проехал на автобусе. Возможно, кондуктор вспомнит меня.

Мистер Мейхерн с сомнением покачал головой.

— Есть ли кто-нибудь, кто мог бы подтвердить свидетельство вашей жены?

— Нет. Но ведь это и не нужно, не так ли?

— Надеюсь, что в этом не будет необходимости.

Мистер Мейхерн поднялся, протянул Воулу руку.

— Несмотря ни на что, я верю в вашу невиновность и надеюсь, нам удастся доказать ее.

Леонард улыбнулся открытой улыбкой.

— Я тоже на это надеюсь. Ведь у меня верное алиби.

Мистер Мейхерн ничего не ответил и вышел из комнаты...

Воулы жили в маленьком неказистом домике недалеко от Пэддингтон-Грин. Туда и направился мистер Мейхерн.

Дверь ему открыла немолодая грузная женщина, скорее всего, та самая приходящая служанка, о которой говорил Воул.

— Миссис Воул вернулась?

— Да, час назад. Но не знаю, сможет ли она вас принять.

— Думаю, сможет, если вы покажете ей вот это.— И мистер Мейхерн достал свою визитную карточку.

Женщина недоверчиво посмотрела на него, вытерла руки о передник и осторожно взяла карточку. Потом закрыла дверь перед самым носом адвоката и оставила его стоять на улице. Через несколько минут она вернулась; что-то едва заметно переменилось в ее отношении к мистеру Мейхерну.

— Входите, пожалуйста.

Вслед за женщиной адвокат прошел в небольшую уютную столовую. Ему навстречу шагнула высокая стройная брюнетка.

— Мистер Мейхерн? Вы, кажется, занимаетесь делом моего мужа. Вы пришли от него? Прошу вас садиться.

Когда она заговорила, легкий акцент сразу выдал в ней иностранку. Приглядевшись повнимательней, мистер Мейхерн отметил чуть широковатые скулы, пожалуй, излишнюю бледность, замечательные глаза, характерные движения рук. Во всем ее облике угадывалось что-то чужое, не английское.

— Дорогая миссис Воул, вы не должны предаваться отчаянию,— начал адвокат и осекся: было совершенно очевидно, что миссис Воул и не собиралась отчаиваться. Напротив, она держалась на удивление спокойно.

«Странная женщина. Такая невозмутимая, что начинаешь нервничать»,— подумалось мистеру Мейхерну. С самой первой минуты встречи с этой женщиной он чувствовал себя неуверенно. Перед ним была загадка, которую ему, как он смутно сознавал, не под силу разгадать.

Мистер Мейхерн передал содержание разговора с Воулом. Она слушала очень внимательно, время от времени кивая головой.

— Значит,— сказала она, когда адвокат кончил свой рассказ,— он хочет, чтобы я подтвердила, что он пришел домой двадцать минут десятого?

— Но ведь он и пришел в это время!

— Не в этом дело. Я хочу знать, поверят ли моим словам? Кто-нибудь может их подтвердить?

Мистер Мейхерн растерялся. Настолько быстро ухватить самую суть! Нет, все-таки было в ней нечто, отчего он чувствовал себя не в своей тарелке.

— Никто,— дал он неутешительный ответ.

Минуту или две Ромейн сидела молча, и с губ ее не сходила странная улыбка. Чему только могла она улыбаться? Чувство тревоги, не покидавшее мистера Мейхерна, усилилось.

— Миссис Воул, я знаю, как вы преданы своему мужу...

— Простите, как вы сказали?

Вопрос этот совсем озадачил беднягу адвоката, и уже с меньшей уверенностью он повторил:

— Вы так преданы своему мужу...

— Это он вам сказал? Ах, до чего же тупы бывают мужчины! — с досадой воскликнула она, резко поднимаясь со стула.

Гроза, которую предчувствовал мистер Мейхерн, разразилась.

— Ненавижу его! Слышите, вы?! Ненавижу! Хотела бы я посмотреть, как его повесят!

Мистер Мейхерн не мог выговорить ни слова. Она приблизилась к нему; голос, взгляд, вся поза ее дышали гневом.

— Что, если я скажу, что в тот вечер он вернулся не двадцать минут десятого, а двадцать минут одиннадцатого? Что он знал о завещании, потому и решил убить? И сам — сам! — признался мне во всем?! Что, если я все это скажу на суде?

Глаза ее, казалось, насквозь прожигали мистера Мейхерна. Адвокат с большим трудом справился с волнением и ответил как мог твердо:

— Вы не можете быть привлечены к даче показаний против мужа. Таков закон.

— Он мне не муж!

В первую минуту Мейхерн подумал, что ослушался.

— Не муж! — повторила она, и наступила долгая пауза... — Я была актрисой в Вене. Была замужем, и муж мой жив, но он... в сумасшедшем доме. Как видите, наш брак с Воулом не может быть признан действительным. И теперь я рада этому! — Она с вызовом посмотрела в глаза мистери Мейхерну.

— Мне бы хотелось услышать от вас только одно, — мистер Мейхерн вновь был адвокатом Мейхерном, чело-

веком, чуждым эмоциям,— почему вы так настроены против... э... мистера Воула?

— Я не хочу говорить. Пусть это будет моей тайной. Мистер Мейхерн откашлялся.

— Нет надобности продолжать этот разговор. Я дам вам знать, когда переговорю со своим клиентом.

Бывшая миссис Воул подошла вплотную к мистеру Мейхерну, и он опять совсем близко увидел ее чудесные глаза.

— Скажите откровенно, когда вы шли сюда, вы верили, что он невиновен?

— Да.

— Мне вас очень жаль.— И она снова улыбнулась своей странной улыбкой.

— Я и сейчас верю,— сказал мистер Мейхерн.— Прощайте.

Пока он шел по улице, перед глазами у него стояло лицо Ромейн. Удивительная женщина, непонятная. Опасная женщина!..

Предварительное следствие в полицейском участке шло быстро. Главными свидетелями обвинения были Джанет Маккензи, служанка убитой, и Ромейн Хейльгер, австрийская подданная, женщина, считавшаяся женой Леонарда Воула.

Дело Воула было назначено к судебному разбирательству. Накануне суда мистер Мейхерн получил с шестичасовой почтой письмо. Грязный конверт, дешевая бумага, безграмотные каракули. Прежде чем мистеру Мейхерну стал понятен смысл письма, ему пришлось дважды перечитать его. Если изъять все те выражения, которые делали это послание слишком уж выразительным, а оставшееся

перевести на правильный английский, содержание письма свелось бы к следующему: «Дорогой мистер! Вы, кажется, занимаетесь делом этого бедняги. Если хотите узнать кое-что интересное о его иностранке, приходите сегодня в Степни. Там, в доме номер шестнадцать (дом мистера Шоу), спросите мисс Могсон. Захватите с собой двести фунтов».

Снова и снова перечитывал мистер Мейхерн загадочные строчки. Все это могло оказаться розыгрышем, но, поразмыслив, адвокат пришел к выводу, что с ним не шутят. Он также понял, что от него зависит, появится ли у Воула шанс спастись. Последний шанс, ибо только доказательство непорядочности Ромейн Хейлыер могло лишить ее доверия, а следовательно, поставить под сомнение правдивость ее показаний.

И мистер Мейхерн решился...

Долго пришлось ему пробираться по узким улочкам, грязным кварталам, вдыхая тяжкий дух нищеты, прежде чем он отыскал нужный дом — покосившуюся трехэтажную развалюху. Мистер Мейхерн постучал в обитую грязным тряпьем дверь. Никто не отвечал. Лишь после повторного стука послышались шаркающие шаги, дверь приоткрылась — чьи-то глаза осмотрели адвоката с головы до ног, — затем распахнулась, и на пороге появилась женщина.

— А, это ты, — проговорила она хриплым голосом. — Один? Тогда проходи.

Поколебавшись, мистер Мейхерн вошел в маленькую очень грязную комнату, освещенную тусклым светом газового рожка. В углу стояла неубранная постель, посредине — грубо сколоченный стол и два ветхих стула. Только немного привыкнув к полумраку, адвокат сумел

рассмотреть хозяйку убогого жилища. Это была женщина средних лет, очень сутулая, неряшливо одетая. Неопределенного цвета, давно не чесанные волосы торчали в разные стороны. Лицо до самых глаз было укутано пестрым шарфом. Встретив откровенно любопытный взгляд мистера Мейхерна, женщина издала короткий смешок.

— Ну чего уставился? Удивляешься, почему лицо прячу? Что ж, погляди на мою красоту, коль не боишься, что соблазню.

С этими словами она размотала шарф, и адвокат невольно отшатнулся при виде безобразных алых рубцов на ее левой щеке. Мисс Могсон снова закрыла лицо.

— Как, хочешь поцеловать меня, милашка? Нет? Так я и думала! А ведь когда-то я была прехорошенькая... Знаешь, откуда у меня это украшение? От купороса, чтоб ему...— И она разразилась потоком отвратительной брани.

Наконец она замолчала, успокоилась, и недавнее волнение угадывалось лишь в судорожном движении ее рук.

— Довольно,— сердито нарушил молчание мистер Мейхерн.— Насколько я понимаю, вы хотите сообщить мне нечто важное по делу Леонарда Воула. Я жду.

Мисс Могсон хитро прищурила глаза.

— А деньги, дорогуша? — прохрипела она.— Двести, как было сказано, и у меня, возможно, кое-что для тебя найдется.

— Что именно?

— Ее письма! Ну что ты на это скажешь? Только, чур, не спрашивать, как они ко мне попали. Двести фунтов, и письма твои.

— Десять, и ни фунтом больше, если письма действительно могут мне понадобиться.

— Что?! Всего десять фунтов?! — Женщина снова перешла на крик.

— Двадцать, — ледяным тоном проговорил мистер Мейхерн. — Это мое последнее слово.

Адвокат достал из бумажника деньги.

— Хочешь — бери, хочешь — нет. Здесь все, что у меня с собой.

Он видел, что деньги неотразимо подействовали на нее, и она не в силах побороть соблазн.

Пробормотав проклятия в адрес адвоката, мисс Могсон сдалась. Подошла к кровати, приподняла матрас.

— Забирай, черт с тобой! — Она швырнула на стол пачку писем. — Сверху то, которое тебе нужно.

Мистер Мейхерн развязал бечевку, методически перебрал все письма одно за другим. У него в руках находилась любовная переписка Ромейн Хейльгер, и писала она не Воулу.

Отдельные письма Мейхерн читал от начала до конца, иные бегло просматривал. Верхнее письмо он прочитал два раза; на нем стояла дата: день ареста Воула.

— Как эти письма попали к вам?

— Письма еще не все. Узнай, где была эта шлюха в тот вечер. Спроси в кинотеатре на Лайэн-роуд. Там должны ее помнить. Хороша, пропади она пропадом!

— Кому адресованы эти письма?

— Тому, кто оставил мне это. — Мисс Могсон поднесла руку к изуродованной щеке, пальцы ее при этом повторили уже знакомое мистеру Мейхерну движение.

— Его рук дело. Много лет прошло, да я не забыла. Эта иностранка увела его от меня. Однажды я выследила их, и он в отместку плеснул мне в лицо какой-то дрянью. А она смеялась, будь она проклята! Долго же мне пришлось ждать, чтобы расквитаться с ней за все. По пятам за ней ходила. Теперь-то она у меня в руках, за все ответит. Правда, мистер?

— Возможно, ее приговорят к заключению за клятвопреступление.

— Только бы заткнуть ей глотку, мистер. Эй! Куда же вы? А деньги?!

Мистер Мейхерн положил на стол две банкноты по десять фунтов и вышел. Оглянувшись у двери, он увидел склонившуюся над деньгами фигуру мисс Могсон.

Адвокат решил, не теряя времени, отправиться на Лайэн-роуд. Там по фотографии швейцар сразу вспомнил Ромейн Хейльгер. В тот вечер она появилась в кинотеатре после десяти. С ней был мужчина. Его, правда, швейцар не разглядел, но ее помнит очень хорошо. Она еще спрашивала, какой идет фильм. Сеанс кончился в двенадцатом часу; пара досидела до конца.

Мистер Мейхерн чувствовал себя вполне удовлетворенным.

Показания Ромейн Хейльгер оказались ложью. Ложью от первого до последнего слова. А причиной всему — ее ненависть к Воулу. И чем он ей так досадил? Бедняга совсем упал духом, когда узнал, что говорит о нем та, кого он называл своей женой. Никак не хотел этому верить.

Впрочем, мистеру Мейхерну показалось, что после первых минут растерянности протесты Воула были уже не столь искренними. Несомненно, он все знал. Знал, но не

хотел, чтобы знали другие. Тайна двоих по-прежнему оставалась их тайной.

Узнает ли ее когда-нибудь мистер Мейхерн?..

Судебный процесс над Леонардом Воулом, обвиняемым в убийстве Эмили Френч, наделал много шума. Во-первых, обвиняемый был молод, хорош собой; во-вторых, уж в слишком жестоком убийстве подозревали этого привлекательного молодого человека; и, наконец, была третья причина столь горячего интереса к предстоящему судебному заседанию — Ромейн Хейльгер, главный свидетель обвинения. Многие газеты поместили ее фотографии, в печати появились также «достоверные» сведения о ее прошлом.

Поначалу все шло, как обычно. Первыми читали свои заключения эксперты.

Затем вызвали Джанет Маккензи, и она слово в слово повторила то, что говорила следователю. При перекрестном допросе защитник сумел раз или два уличить ее в противоречии показаний. Главный упор он делал на то, то, хотя она и слышала мужской голос, но не было никаких доказательств, что голос этот принадлежал Воулу. Ему также удалось убедить присяжных, что в основе свидетельства служанки — неприязнь к обвиняемому, а не факты.

Вызвали главного свидетеля.

— Ваше имя Ромейн Хейльгер?

— Да.

— Вы австрийская подданная?

— Да.

— Последние три года вы жили с обвиняемым как его жена?

На миг Ромейн встретилась глазами с Леонардом.

— Да.

Допрос продолжался. Ромейн поведала суду ужасную правду: в ночь убийства обвиняемый ушел из дома, прихватив с собой ломик. Двадцать минут одиннадцатого он вернулся и признался в совершенном убийстве. Рубашку пришлось сжечь, так как рукава были черны от запекшейся крови. Угрозами Воул заставил ее молчать.

По мере того как вырисовывался страшный портрет обвиняемого, присяжные, настроенные поначалу доброжелательно, резко переменялись. Но было заметно и другое. Отношение к Ромейн тоже изменилось, ибо ей не хватало беспристрастности, злоба сквозила в каждом ее слове.

Грозный и значительный, встал защитник. Он заявил, что все сказанное свидетельницей — злобный вымысел. В роковой вечер ее не было дома, и она, естественно, не может знать, когда вернулся Воул. Он также сообщил присяжным, что Ромейн Хейльгер состоит в любовной связи с другим мужчиной, ради него и чернит обвиняемого, обрекая его на смерть за преступление, которого он не совершал.

С поразительным хладнокровием Ромейн отвергала все предъявленные ей обвинения.

И тогда при полной тишине в затаившем дыхании зале было прочитано письмо Ромейн Хейльгер:

«Макс, любимый! Сама судьба отдает его в наши руки. Он арестован. Его обвиняют в убийстве какой-то старухи; его-то, который и мухи не обидит! Ах, наконец пришло время отмщения! Я скажу, что в ту ночь он пришел домой весь в крови и сам признался в содеянном. Его отправят на виселицу, и он узнает, что это я, Ромейн Хейльгер, послала его на смерть. Воула не будет, и тогда — счастье,

мой дорогой! После стольких лет... Наше счастье, Макс!»

Эксперты готовы были тут же под присягой подтвердить подлинность почерка, но в этом не было необходимости. Ромейн Хейльгер призналась: Леонард Воул говорил правду; лгала она, главный свидетель обвинения.

Воул был допрошен вторично и ни разу не сбился, не запутался во время перекрестного допроса. И хотя не все факты говорили в его пользу, присяжные, почти не совещаясь, вынесли свой приговор: невиновен!

Мистер Мейхерн поспешил поздравить Воула с победой. К нему, однако, было не так-то просто пробраться, и адвокат решил подождать, пока разойдется народ. Судя по тому, как он принялся тереть стекла пенсне, он здорово переволновался. Про себя мистер Мейхерн отметил, что у него, пожалуй, вошло в привычку: чуть что, братья за пенсне. Вот и жена говорит то же самое. Ох уж эти привычки, прелюбопытнейшая вещь!

Да, все-таки чрезвычайно интересный случай. И эта женщина, Ромейн Хейльгер... Как ни старалась казаться спокойной, а сколько страсти обнаружила здесь, в суде!

Едва Мейхерн закрывал глаза, перед ним тотчас возникал образ высокой бледной женщины, охваченной порывом неистовой страсти. Любовь ли... ненависть ли... И это странное движение рук...

И ведь у кого-то наблюдал он точно такое. Но у кого? Совсем недавно...

Мистер Мейхерн вспомнил, и у него перехватило дыхание: мисс Могсон из Степни!

Не может быть! Неужели?!

Сейчас ему хотелось только одного: увидеть Ромейн Хейльгер.

Но встретиться им довелось много позже, а потому место встречи большого значения не имеет.

— Итак, вы догадались, — сказала она. — Как я изменила лицо? Это было не самое трудное; газовый свет мешал разглядеть грим, а остальное... Не забывайте, что я была актрисой.

— Но зачем?..

— Зачем я сделала это? — спросила она, улыбаясь одними губами. — Я должна была спасти его. Свидетельство любящей и безгранично преданной женщины — кто бы ему поверил? Вы сами дали мне это понять. Но я неплохо разбираюсь в людях. Вырвите у меня признание, уличите в чем-то постыдном; пусть я окажусь хуже, недостойнее того, против кого свидетельствуют, и этот человек будет оправдан.

— А как же письма?

— Ненастоящим, или, как вы это называете, подложным, было только одно письмо, верхнее. Оно и решило все дело.

— А человек по имени Макс?

— Его нет, и никогда не было.

— И все же, мне кажется, мы сумели бы выручить его и без этого спектакля, хотя и превосходно сыгранного.

— Я не могла рисковать. Понимаете, вы ведь думали, что он невиновен.

— Понимаю, миссис Воул. Мы думали, а вы знали, что он невиновен.

— Ничего-то вы не поняли, дорогой мистер Мейхерн. Да, я знала! Знала, что он... ВИНОВЕН!..

Роберт Шекли

ЛАБИРИНТ РЕДФЕРНА

Для Чарльза Энджера Редферна это утро было ничем не примечательно. Если не считать того, что из почтового ящика он извлек два странных письма. Одно было в простом белом конверте, и на мгновение ему показалось, что он узнает почерк, которым был написан адрес. Из конверта он достал лист, на котором не было ни обращения, ни подписи. Некоторое время он гадал — чей же это такой знакомый почерк? Потом сообразил, что это имитация его собственного. Слегка заинтригованный, но все еще не предчувствуя ничего, кроме скуки, он прочел следующее:

«Большая часть призывов так называемого (и довольно глупо называемого) **Лабиринта Редферна** несомненно останется без отклика. Ибо, судя по всему, большинству безразлично — выбрать то или иное. **Лабиринт Редферна** не в состоянии продемонстрировать на выходе более того, что было в него запущено на входе. В данном случае — ничего, кроме обескураживающего бессилия самого Редферна. Есть мнение, что Редферн не способен преодолеть свое собственное безволие и мягкотелость. Он не в состоянии переделать свою собственную, им же ненавидимую рабскую натуру. Он не может избавиться от склонности к уступкам и к подчинению.

По причине такого скандального жизненного банкротства читатель ощущает в себе склонность быть целеустремленно непоследовательным: он благодарен **Лабиринту** за его ненавязчивую краткость, но в то же время злобно желает еще большей краткости.

Но это быстро проходит, и читатель обнаруживает, что его превалирующим настроением является молчаливое сопротивление желанию вообще хоть что-нибудь ощущать. С чувством глубокого удовлетворения он обнаруживает свою индифферентность. И хотя он не желает ничего помнить о **Лабиринте**, он и не затрудняет себя усилиями, чтобы забыть.

Читатель противопоставляет скуке Редферна свою скуку, еще более опустошительную; он имитирует редферновскую враждебность и легко превосходит ее. Он даже отказывается признать существование Редферна; а под конец у него появляется уверенность, что он вообще никогда в жизни не имел дела ни с каким **Лабиринтом**. (Он, конечно, прав; и повторные вхождения в **Лабиринт** уже не поколеблют его уверенность).

Этот **Лабиринт** мог бы быть использован как образцовый монумент скуке, если бы не искажался (так типично для Редферна) одной единственной раздражающей идеей, которая гласит:

«ТЕОРЕМА 113. Всем известно, что хаотический Лабиринт-Ловушка управляет своими жертвами с помощью железных законов; но лишь немногие сознают, что из этого следует такой логический вывод: именно, что Лабиринт-Ловушка сам является одной из таких жертв и, следовательно, сам подпадает под действие своих тягостно занудливых законов».

Редферн сам не формулирует этих «законов» — ляпсус, который можно было бы предвидеть. Но один из них легко можно вывести из кажущегося на первый взгляд бессмысленным утверждения:

«ЛЕММА 282. Провидение, какой бы внешний облик оно ни принимало, неизбежно милосердно».

Итак, следуя Редферну: Лабиринт-Ловушка управляет человеком-жертвой, но Провидение управляет им самим. Это вытекает из закона, согласно которому Лабиринт-Ловушка (как и все остальное, кроме Провидения) является зависимым. Закон гласит, что Лабиринт-Ловушка должен выдавать, проявлять свою сущность — он **обязан быть познаваемым**. Доказательством этого является тот факт, что Редферн, самый мягкий и несамостоятельный из людей, это знает.

Но теперь мы хотим знать, какими законами управляется Лабиринт-Ловушка. **Каким образом Лабиринт-Ловушка становится познаваемым?** Без знания этого закона мы ничего не можем сделать, и Редферн нам тут не поможет. Он сам не может ничего сказать, а если бы даже и мог, то все равно ничего не сказал бы. Таким образом, для того, чтобы получить описание закона, описывающего Лабиринт-Ловушку, его характерные черты и формы, вкупе с некоторыми интимными деталями (для облегчения опознания), мы снова обращаемся к ничем в иных случаях не примечательному Чарльзу Энджеру Редферну».

Редферн отбросил письмо. Его надуманные, туманные двусмысленности наскучили ему. Но эта витиеватая, квазираскованная манера, это общее впечатление мишуры и показухи странным образом оказали на него и успокаивающее действие. Такое, в чем-то приятное ощущение

испытывает человек, дознавшийся, что то, что он почитал за подлинное, оказалось на самом деле подделкой. Он потянулся за вторым письмом.

Конверт был неестественно длинным и узким; он был скучного больнично-голубого цвета, и он него исходил слабый, но безошибочно узнаваемый запах йодоформа. Его имя, выведенное выцветшими печатными буквами, подделывавшимися под машинопись, было указано правильно. Адрес же — Бульвар Брукнера, 132 — неверен. Он был зачеркнут, и на нарисованной имитации почтового штемпеля можно было прочесть: «Вернуть отправителю». (Обратного адреса на конверте не было). Это тоже, в свою очередь, было перечеркнуто черной жирной линией, а ниже кто-то дописал: «Попробуйте 12-ую стрит, 137-B».

Это был его правильный адрес.

Редферн подумал, что все эти детали уже излишни; казалось, что им самое место быть на имитации письма внутри конверта. Он извлек письмо из конверта. Оно (несомненно из экономии) было написано на клочке коричневой оберточной бумаги. Он прочел:

«ПРИВЕТ! Вас выбрали как одного из тех действительно современных и проницательных людей, для которых новизна ощущений на шкале внутренних ценностей превышает боязнь возможного риска, и чье желание необычного сдерживается лишь прирожденным вкусом и чувством стиля. Мы верим, что Вы принадлежите к тому самому сорту непредубежденных искателей приключений, с которыми мы хотели бы дружить.

Вследствие этого мы пользуемся случаем, чтобы пригласить Вас на **ГРАНДИОЗНОЕ ОТКРЫТИЕ** нашего **ЛАБИРИНТА!!!**

Излишне говорить, что этот Лабиринт (единственный в своем роде на всем Восточном Побережье) насыщен острыми ощущениями. На наших кривых вы не встретите ничего прямолинейного!!! Этот Лабиринт делает описания убогими, а желания — инфантильными.

Пожалуйста, свяжитесь с нами, и мы организуем место и время Вхождения, где и когда Вам будет удобно.

Наша единственная забота — это всего лишь жизнь, свобода и погоня за счастьем.

Свяжись с нами как можно скорее, слышишь? ПРЕМНОГО БЛАГОДАРНЫ, ПАРЯ!!!!!»

Вместо подписи стоял телефонный номер. Редферн скорбно помахал письмом в воздухе. Это, несомненно, была работа одного знакомого сверхрелигиозного английского майора — утомительная ипохондрия и ужасающее остроумие.

Автор письма пытался разыграть его; поэтому Редферн, совершенно естественно, решил сделать вид, будто попался на розыгрыш. Он набрал указанный в письме номер телефона.

Ему ответил голос, который мог принадлежать женщине средних лет. Голос казался раздраженным, но смиренным с судьбой.

— Институт Исследования Поведения Редферна.

Редферн нахмурился, прокашлялся и сказал:

— Я насчет Лабиринта.

— Насчет чего? — спросила женщина.

— Лабиринта.

— Вы какой номер набираете?

Редферн сказал. Женщина согласилась, что это номер Редферновского Института, но она ничего не знала про

Лабиринт. Если, конечно, он не имеет в виду известные Л-серии лабиринтов, которые используются в экспериментах с крысами. Лабиринты Л-серии, сказала она, изготавливаются в различных модификациях и стоят в зависимости от площади в квадратных футах. Серия начинается с Л-1001, простого двоичного лабиринта с принудительным выбором, площадью в 25 квадратных футов, и кончается Л-1023 — моделью со случайной селекцией и многовариантным выбором, площадью 900 кв. футов и с приспособлениями для демонстрации на большую аудиторию.

— Нет, — сказал Редферн, — боюсь, что это не вполне то, что я имел в виду.

— Тогда что же вы имели в виду? — спросила женщина. — Мы также строим лабиринты по заказу, как указано на желтых страницах нашего проспекта.

— Но я не прошу, чтобы вы строили лабиринт для меня, — сказал Редферн. — Видите ли, согласно письму, которое я получил, этот Лабиринт уже существует, и он достаточно велик, так что подходит и для людей, для хомо, так сказать, сапиенс.

— И это именно то, что вы имели в виду? — спросила женщина тоном глубочайшего подозрения.

Редферн обнаружил, что он бормочет:

— Это все письмо, что я получил. Меня пригласили на грандиозное открытие этого Лабиринта, и там был ваш телефон, по которому мне надо было получить дальнейшие инструкции.

— Послушайте, мистер, — женщина прервала его лепет злым голосом. — Не знаю, может быть вы просто шизик, или все это какая-то дурацкая шутка или еще чего, а только Редферновский Институт — респектабельная фирма, суще-

ствующая уже 35 лет, и если вы будете еще надоедать мне с вашим вздором, то я потребую проследить номер вашего телефона, и вы понесете наказание по всей строгости закона!

Она бросила трубку.

Редферн опустил в кресло. Его руки дрожали. Пытаясь раскрыть суть первичной мистификации-ловушки, он задумал и попробовал применить контрмистификацию и, в результате, влип во вторичную или вспомогательную ловушку. Этакая нелепость! Он чувствовал себя последним идиотом.

Затем им овладела беспокоящая мысль. Он открыл манхэттенский телефонный справочник и попытался найти в нем Исследовательский Институт Изучения Поведения Редферна. Как и следовало ожидать, в списке абонентов такого не оказалось.

Он позвонил в справочную и запросил Список Изменений, затем Дополнительный и Расширенный Списки. Наконец, дойдя до желтых страниц, он стал проглядывать по алфавиту Лабиринты, Ловушки, Исследования, Бихевиористские, Научное оборудование и Лабораторное оборудование. Не было там никакого Редферна и никакой фирмы, специализирующейся на конструировании Лабиринтов.

Он сообразил, что после прохождения вторичной ловушки он теперь вполне закономерно попал в третичную, и что, скорее всего, серия на этом не заканчивается.

Но, конечно, это был не розыгрыш. Слишком много доказательств противного накопились к этому моменту. Трюк с розыгрышем фактически был частью самого Лабиринта — маленькая петля, очень быстро возвращающаяся

к исходной точке, к точке входа в Лабиринт. Или же к точке, **сильно напоминающей** исходную.

Одним из основных свойств Лабиринта является удвоение, дублирование, повторы. И этот прием несомненно был использован: открыто — путем упоминания имени Редферна в обоих письмах и имитацией его почерка; косвенно — путем использования нудных противоречий в каждом предложении.

Описание закона Ловушки-Лабиринта (который, как утверждалось, он одновременно и знал и не знал) было достаточно простым. Это могло быть только описанием его собственных, касающихся Лабиринта-Ловушки эмоций: эти надуманные, туманные двусмысленности наскучили ему. Эта витиеватая, квазираскованная манера, это общее впечатление мишуры и показухи странным образом оказали на него успокаивающее действие. Такое приятное ощущение испытывает человек, дознавшийся, что то, что он почитал за подлинное, оказалось на самом деле подделкой.

Таким образом, он теперь видел, что первое письмо в действительности было Лабиринтом — этим рабским, бесконечно удваивающимся монументом скуке, чье совершенство портила только одна немаловажная деталь — его собственное существование. Второе письмо было необходимым дубликатом первого, оно было нужно для того, чтобы удовлетворялись требования закона Лабиринта.

Конечно, возможны были и другие точки зрения; но тут Редферну пришла в голову мысль, что, возможно, он все это когда-то уже обдумывал.

СОДЕРЖАНИЕ

Кристи А. Свидетель обвинения (Перевод <i>Т. В. Юровой</i>)	3
Шекли Р. Лабиринт Редферна (Перевод <i>Е. А. Дрозда</i>)	24

Литературно-художественное издание
(Фантакрим-микро. Фантастика, приключения, детектив)

Агата Кристи

СВИДЕТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ

Роберт Шекли

ЛАБИРИНТ РЕДФЕРНА

Рассказы

Составление выпусков «Фантакрим-микро»

М. И. Андриюшкин

Редактор выпуска

И. А. Боровская

Оформление и художественное редактирование

С. В. Баленок

Координатор выпуска

Д. В. Крымов

Сдано в набор 18.07.89. Подписано в печать 4.09.89. Л 17333. Формат 60×90¹/₃₂. Бумага офс. Гарнитура тип «Таймс». Печать офс. Усл. печ. л. 1. Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 105 тыс. экз. Заказ 1418. Цена 30 коп.

Издательство «Промстей» МГПИ им. В. И. Ленина, 149048, г. Москва, ул. Усацева, 64.

Набрано в типографии им. Ф. Скорины издательства «Наука и техника», 220072, Минск, Ленинский проспект, 68.

Отпечатано в типографии Управления делами Совета Министров БССР, 220010, Минск, Советская, 11.